

УДК 316.33

DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.028

Образ одиночества в социальном пространстве: философское обоснование

Младенов Василий Иванович

Соискатель,
начальник военной кафедры,
Забайкальский государственный университет,
672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александро-Заводская, 30;
e-mail: Mladenov.v@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена попытке обоснования исследования социального явления одиночества в контексте феноменологического анализа, который доказывает, что в социальном пространстве не встречается явления, которое бы полностью соответствовало словарному смыслу термина «одиночество». Однако в социальной действительности проблема, связанная с наличием ощущения одиночества, затрагивает жизнь значительного количества людей, которые достигнув в своем развитии определённого уровня самосознания, осознают себя личностью, и сталкиваются с переживанием чувства одиночества, находясь в рамках социального взаимодействия. Автор доказывает, что на первый план здесь выходят не онтологические основания, а образ одиночества, указывающий на феномен эмпирического одиночества, представляющий собой одну из форм социального взаимодействия, сопровождающуюся возникновением у индивида субъективного ощущения изоляции от окружающего мира. Образы одиночества представляют собой отображение процесса переживания чувства одиночества, сопровождающегося ощущением заброшенности, изолированности, оторванности. С точки зрения автора во внешнем мире распространяются образы одиночества, которые одновременно являются отражением тех систем ценностей и образцов поведения человека, которые доминируют в обществе.

Для цитирования в научных исследованиях

Младенов В.И. Образ одиночества в социальном пространстве: философское обоснование // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 5А. С. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.028

Ключевые слова

Образы одиночества, категория одиночества, феномены одиночества, критерии одиночества, концепции одиночества, внешние социальные образы, субъективные образы.

Введение

Проблема одиночества обширна, актуальна и многозначна. Одиночество затрагивает всех – молодых и старых, мужчин и женщин, богатых и бедных. В период архаического общества, так называемое «дорефлексивное» сознание рассказывало о переживании одиночества, обращаясь к архетипическим сюжетам, мифам, обрядам, культам. В эпоху современности свидетельством переживания чувства одиночества являются такие социальные проблемы, как массовые невротические переживания, распространение различного вида зависимостей от наркотиков до компьютерных игр. Этой теме посвящено множество исследований и теоретических рассуждений, одни из которых связаны с клинической практикой и рассматривают одиночество как патологическую реакцию, другие расценивают его как извращенное мироощущение.

Степень исследованности темы

В самом первом приближении большинство исследователей рассматривают это явление как феномен и универсальную характеристику человеческого состояния, определение сущности которых возможно посредством выделения слагаемых одиночества и анализа взаимосвязи между ними [Лященко, 2017]. Исследователи этой проблемы, такие как Ж. В. Пузанова [Пузанова, 2003], М. В. Прохорова [Прохорова, 2010], А. И. Михайлова [Михайлова, 2013], Н. П. Романова [Романова, Дробышевский, 2003] и др. отмечают, что одиночество является аспектом переживания людьми чувства изолированности от близких по духу людей и сообществ, от гармонии природы или мироздания. При этом под «одиночеством» здесь принято понимать не столько физическое состояние, сколько состояние психологического разрыва связей, которые прежде объединяли личность и ее окружение [Вейс, www...].

Основные положения концепции одиночества, которые представлены указанными авторами, заключаются в утверждениях о том, что:

- субъект, познающий одиночество, находящийся вне системы социального взаимодействия, лишен предпочтений, предубеждений и эмоций;
- сущность такого явления, как одиночество может быть отражена системой формализованного языка рациональных умозаключений;
- эмпирические факты, описывающие формы и феномены одиночества, объясняются посредством операции редуцирования к простой, логической форме [Пузанова, 2003].

Однако многочисленные научные концепции одиночества по-разному оценивают одиночество, которое может пониматься, как характеристика феноменального, экзистенциального, правового, социального, психологического, символического, когнитивного и др. состояний человека. Причиной этого разнообразия является то, что ученые не могут однозначно ответить на вопрос о факторах и условиях возникновения этой проблемы, которая оценивается либо, как следствие одинокой жизни, либо как характеристика чувства одиночества, которое может возникать, как в условиях оторванности, изоляции, так и в условиях интенсивных социальных контактов, сопровождающих жизни человека [Жуков, 2010].

Результаты

Одиночество представляется нам сложно структурированной социально-экзистенциальной и когнитивной системой, занимающей свою нишу в духовном мире личности и внешнем социокультурном пространстве в двух видах. С одной стороны, это абсолютное одиночество,

по сути, представляющее трансцендентный, недоступный для сущностного анализа элемент бытия. С другой стороны, это образ одиночества, преподносимый либо внешним окружением, либо человеком, который чувствует себя одиноким. Образ одиночества выступает в качестве социокультурного продукта общественного развития и не существует вне социума, выступающего в качестве единственного основания для формирования чувства изолированности, оторванности, отчужденности от какого-то явления, человека или групп людей. Поэтому не может ставиться вопрос о том, что образ одиночества может быть сформирован вне общественной жизни. В свою очередь общество является фактором различных образов одиночества, рисующих последствия культурного отчуждения, выразившиеся в феномене социально-культурной маргинальности и аномии. Предлагаемая нами точка зрения ориентируется на методологию феноменологического направления, предлагающую рассматривать явления одиночества, как образы одиночества, являющиеся, по сути, мнимым одиночеством, существующим либо в общественном, либо в индивидуальном сознании. Мнимое одиночество представляет собой отображение во внешнем мире процесса переживания одиночества, сопровождающегося ощущением заброшенности, изолированности, оторванности. Основным источником этих образов являются социально-экономические отношения и господствующая система ценностей, которые актуализируют переживание одиночества, и распространение образов одиночества. В процессе отображения указанных ощущений во внешнем мире порождаются образы одиночества, которые одновременно являются отражением тех систем ценностей и образцов поведения человека, которые доминируют в обществе. Именно здесь рождается проблемный узел, который характеризуется формированием различных оценок социально-онтологического статуса одиночества.

Обсуждение результатов

Осмысление сути одиночества представляется крайне затруднительным, так как понятие «одинокий» многозначно. Оно используется при отображении разнообразных аспектов реальности, для чего используются средства не только научных языков, но и быденной, разговорной речи. Наиболее очевидной причиной этого разнообразия является противоречивая сущность бытия, которое синтезирует стремление каждого человеческого существа сохраниться, как личность и быть общественным существом, потребностью которого является взаимодействие с окружающими [Жуков, 2010]. При этом важно учитывать, что науки о человеке, несмотря на интенсивное внимание к проблематике человеческой личности, пока не сумели договориться об определении движущих факторов ее развития [Михайлова, 2013].

Зачастую под термином «одинокий» понимается человек, который находится вне такого социального института, как семья, принадлежность к которой является ключевым критерием одиночества, несмотря на возможную принадлежность человека к иным социальным институтам. Отсутствие семейной жизни связывается с такими стереотипами, как эксцентричность, маргинальность, открытость, изначальная непредзаданность, внесистемная открытость, характеризующие человека, как одинокого. Однако важно учитывать, что все перечисленные характеристики поведения человека описывают его социальное поведение, которое проходит в рамках социальных групп [Жуков, 2011]. Это основание дает возможность предположить, что одиночество, представляет собой не внесоциальный, а социальный феномен и встает он перед человеком только как общественным существом. Таким образом, выявляется противоречие, согласно которому одиночество имеет двойственную, внесоциальную и

одновременно социальную природу. Это противоречие было отмечено еще Аристотелем, согласно которому человек социален по своей природе, но и одновременно обречен быть одиноким, так как его личностное начало в условиях общества всегда потенциально находится под угрозой быть поглощенным социальной средой [Аристотель, 1983, с. 376].

В связи с тем, что сознание человека характеризуется такими противоречащими друг другу категориями, как «общность» и «одинокость», важно учитывать, что сами они являются выражением противопоставленных друг другу идеалов, между которыми существует очень подвижная и проницаемая граница, через которую человек постоянно проходит. Человек, таким образом, находится в промежуточном состоянии, которое зависит от субъективного мироощущения и самовосприятия [Жуков, 2011]. Субъективный мир личности представляет собой неразрешимую загадку для исследователей, что приводит к невозможности однозначного определения того, чем является одиночество в своей сущности. Это указывает на то, что проведение верифицированного исследования одиночества, также как и в целом анализ человеческого сознания, невозможны путем применения только методов эмпирических наук: таких как, социология, демография, психология и др. [Кожевников, 2006] Причиной этого является то, что фиксация, описание, анализ и объяснение фактов одиночества в рамках этих наук проводятся в узких рамках конкретно-научной методологии, а также зависят от историко-культурного и мировоззренческого контекста, в который погружен, ведущий познавательную деятельность субъект [Жуков, 2011].

С этой точки зрения одиночество, как и любая философская проблема, нуждается в прояснении своего исходного онтологического и феноменологического оснований. Именно эти основания позволяют оторвать явление одиночества от тех многочисленных вариантов и проявлений, существующих в эмпирической реальности под названием одиночество, но представляющих собой одну из форм социального взаимодействия.

Большинство философских концепций одиночества основываются на утверждении Р. Вейса о том, что одиночество коренится во внутренней природе человека, его конституции [Вейс, www...]. Однако закрытость духовного мира человека для внешних описаний стала причиной того, что в философии возник целый ряд противостоящих друг другу концепций, объясняющих это феномен. Философские исследования с разных сторон рассмотрели проблему одиночества, итогом чего стало понимание ее в качестве многоликой, неоднозначной, состоящей из различных смысловых горизонтов. Вместе с этим раскрытие сути одиночества продолжает оставаться незавершенным процессом, сходным с поиском «августиновского времени», ускользающим от всяческих попыток определить его однозначно [Zhukov, Bernyukevich, Zakharova, Gombueva, 2016].

В связи с отсутствием договоренности о сущности природы одиночества, существующем среди философов и ученых, на наш взгляд, интерес представляет попытка, связанная с отказом от сущностного определения того чем является одиночество, в пользу представления описания того, чем «одинокость» не является, которые также даются в рамках философских исследований одиночества. Такое определение дал Э. Фромм [Фромм, 1994], с точки зрения которого наиболее приемлемым определением сущности одиночества должно быть не утвердительное описание объективных форм поведения и субъективных ощущений, связанных с одиночеством, а негативная характеристика, указывающая на одиночество, как на отсутствие любых форм взаимодействия и ощущений, с ним связанных. В то же время все остальные формы существования, сопровождаемые переживанием одиночества, Э. Фромм не считал абсолютным моральным одиночеством, так как они включали, хотя и ограниченно различные формы

социального или духовного взаимодействия. В целом, описание одиночества и его критериев, данное Э. Фроммом, доказывает, что в реальной социальной действительности подлинное моральное одиночество практически не встречается и поэтому невозможным является эмпирическое воплощение этого идеала [Фромм, 1994].

Тем не менее, в эмпирической действительности проблема, связанная с наличием ощущения одиночества, всегда затрагивала и продолжает затрагивать жизнь значительного количества людей, не являющихся пациентами психиатрических клиник. Эти люди, согласно определению Э. Фромма, достигнув в своем развитии определённого уровня самосознания, осознают себя личностью и сталкиваются с переживанием чувства одиночества. Причиной этого переживания, как он указывает, является то, что личность, обладая собственным внутренним миром и ценностями, не может принять все ценности внешнего мира и начинает стремиться к обособлению от обезличивающего социума [Фромм, 1994].

При этом общество, формируя личность человека, само подготавливает почву для того, чтобы эта личность смогла противопоставить свои собственные ценности той системе ценностей, которая ее окружает. Принцип индивидуации, определяющий структуру мировосприятия человека европейской культуры, влияет на то, что этот человек основой своего «Я» считает отделение от мира и других людей, что проявляется на всех ступенях исторического процесса и процесса человеческой жизни, когда человек начинает чувствовать, что способен сохранить свои ценности только ценой изоляции от окружающих его людей. Даже более того, многие стремятся к самоизоляции, ради сохранения индивидуально духовного микрокосма [Цветухина, 2013].

Однако доведя свои связи с внешним миром до минимума, человек начинает чувствовать непереносимость одиночества. После этого «наступает час, – как пишет М. Бубер, – такого последнего и обнаженного одиночества, когда безмолвие бытия окажется невыносимым, а все онтологические категории – неприложимыми к реальности» [Бушуева, 2012]. Ощущающий свое одиночество человек, начинает обратный путь к человеческой общности, который определяется образом одиночества, уже несущим в своей оценке отрицательный потенциал. Однако абсолютное единение с людьми также неосуществимо, как и обретение подлинного одиночества, оно сопровождается переживанием одиночества, как чувства [Zhukov, Zhukova, 2016].

Можно сделать вывод о том, что общество изначально содержит элементы, которые понимаются, как одиночество, так как выступают в качестве олицетворения противоположности общественного взаимодействия. Это означает, что внутри общества одиночество вызревает, в качестве особого мироощущения людей, которые, не будучи одиночками, активно взаимодействуют с другими людьми, своей семьей, друзьями, коллегами, подчиненными и находящимися у власти [Зарубин, 2013].

Поэтому, несмотря на огромное значение проблемы одиночества, предполагающей обсуждение вопросов изоляции, она рассматривается в контексте темы социального взаимодействия, предполагающей, что человек участвует в том или ином виде общения, однако испытывает чувство одиночества. Поэтому всякое проявление его жизни – даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, – является проявлением и утверждением общественной жизни» [Маркс, 1974]. Это понимание общественного взаимодействия предполагает, что одиночество можно считать одним из аспектов процесса общения, посредством которого общество заставляет человека подчинить свое поведение общественным нормам. Человек чувствует себя одиноким,

и поэтому стремится приспособиться к окружающей его среде, даже если этой влечет за собой отказ от личностных ценностей. Социальная природа человека делает его неотъемлемой частью окружающей социальной реальности, обуславливающей его сознание, самосознание и поведение, как в рамках онтогенеза, так и филогенеза [Вейс, www...].

Поэтому одиночество оказывается невозможным представить, как онтологическую данность, которая могла бы в своем существовании стать основанием для самоидентификации личности и запустить в действие инструменты саморефлексии, которые бы обеспечили настройку ценностно-смысловых структур и самоопределение личности в качестве одинокой. На первый план здесь выходят не онтологические основания, а неуслышанность, неразделенность, неподтвержденность, непризнанность переживаний и самооценки человека, которые влекут за собой появления чувства одиночества, иногда понимаемого как социальная «смерть» для человека [Фромм, 1994].

Поэтому можно считать доказанным утверждение о том, что абсолютного одиночества не может быть в жизни обычного человека, так как оно не является для него феноменальной проблемой. В то же время, одиночество является существенной проблемой для большого количества людей, переживающих его как чувство, сопровождающее их социальное существование и взаимодействие, в связи с осмыслением личностью «мира», общности», «Я», «самости», «Других» и т.д. Для них переживание одиночества означает решение вопроса об определении своих «границ» и выходе за их рамки, после которого ими видится идеал «единства» и «целостности бытия». Поиск своих «границ» в контексте обсуждения одиночества для них означает необходимость решения вопросов о проблемах жизни и смерти, любви и ненависти, страха и трепета, души и Бога, свободы и права, то есть всей проблематики человеческого общения [Левинас, 2000].

В этих условиях встает вопрос о самосознании человека, которое после всего сказанного является единственной сферой, где одиночество может существовать и осуществляться как данность, то есть, в качестве формы само-осознания своей потерянности, своего «стирания» в качестве личности из бытия. В этом случае речь должна идти о феноменальных формах социального поведения и образа жизни, которые формируют образ «одиночества», но таковыми не являются. В обществе существует множество различных образов одиночества, основанием появления которых служит крайнее своеобразие форм социального взаимодействия, включая виды поведения, характеризующегося разными вариантами закрытости, и ограничения внешних социальных взаимодействия. Важно учитывать, что образы одиночества не совпадают с идеальным значением этого термина, так как всегда касаются какой-либо конкретной социальной реальности, не существующей вне разнообразных форм взаимодействия. Само взаимодействие может быть социальным или духовным, открытым и закрытым, коллективным или индивидуальным, конструктивным или деструктивным, реальным и воображаемым, но, оно, как правило, присутствует (за исключением клинических случаев психиатрии), что указывает на неосуществимость воплощения подлинного морального одиночества [Сторожилова, 2011].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в социальной реальности наличествуют образы одиночества, которые указывают на наличие тех или иных типов социального взаимодействия или связи. В субъективном мире человека, переживающего чувство одиночества в условиях интенсивного общения или толпы, находятся его субъективные образы одиночества, исследование которых невозможно, так как не имеет доказательной базы и верифицированного подтверждения, за исключением клинических случаев разрушения

личности, пережившей состояние одиночества. С другой стороны, в объективном мире в отношении людей, понимаемых как одинокие, распространяются внешние социальные образы, которые основываются на объяснениях одиночества, исходящих из понимания его как объективного состояния человека, связанного вынужденной физической или социальной изоляцией. Считается, что такие люди не в состоянии осуществлять контакты с другими людьми, а также со значимыми для них группами родственников и друзей. При этом важно осознавать, что внешние стереотипы упрощенно преподносят образ людей, считающихся одинокими, так как указывают только на существование неких физических и психических барьеров, затрудняющих общение, но не обязательно, являющихся источником чувства депривации. Кроме этого, эти стереотипы не учитывают, что установление барьеров для общения и взаимодействия в одном направлении – это часто только часть процесса, которая открывает людям, в нем участвующим возможность общения в другом направлении. Можно заключить, что внешние образы конструируют такие представления об одиночестве, которые никак не связываются ни подлинным моральным одиночеством, ни с теми переживаниями, которые сопровождают жизнь, якобы одинокого человека.

Выводы

Таким образом, доказанным можно считать положение, согласно которому подлинное моральное одиночество в реальной жизни практически не встречается (только в качестве феномена, имеющего отношение к разрушению личности и случаям психиатрии), тем не менее, в бытовой практике и научной литературе понятие одиночества встречается довольно часто. Поэтому необходимо определить, чем является то понятие, которое утверждает себя в качестве одиночества. На наш взгляд, в этом случае одиночество принимает феноменальную форму и выступает как образ одиночества, отражающий представления общества и личности о тех формах социального взаимодействия, которые сопровождаются возникновением у индивида субъективного ощущения изоляции от окружающего мира.

Библиография

1. Аристотель. Политика / Сочинения: монография. М.: Мысль. 1983. Т. 4. С. 376-379.
2. Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157-232.
3. Бушуева Е. С. Социокультурная среда Забайкалья: специфика формирования: учебное пособие // Е. С. Бушуева, А. В. Жуков. Чита: ЗабГУ, 2012. 170 с.
4. Вейс Р. С. Вопросы изучения одиночества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.redov.ru/psihologija/kak_znakomitsja_s_devushkami/p1.php (дата обращения: 09.09.2019).
5. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3 (60). С. 27-33.
6. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2 (59). С. 129-136.
7. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2 (69). С. 10-15.
8. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореферат дисс. докт. филос. н.: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.
9. Жуков А. В. Факторы рецепции мифологических образов Китая в менталитете населения Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014 № 1(104). С. 120-128.
10. Кожевников С. Б. Жизненный мир человека как модус культуры: автореф. дисс. докт. филос. н.: 09.00.13. Ростов н/Д, 2006. 49 с.
11. Левинас Э. От существования к существующему // Избранное: Тотальность и Бесконечное. М., СПб.: Универс. кн., 2000. 416 с.
12. Лященко М. Н. К проблеме определения и типологии одиночества // Ценности и смыслы. 2017. № 2 (48). С. 60-

- 74.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения: монография. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41-174. С. 118
 14. Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2013. С. 90-95.
 15. Прохорова М. В. Концептуальные особенности изучения феномена одиночества // Вестник Вятского государственного университета. 2010. С. 69-74.
 16. Пузанова Ж. В. Философия одиночества и одиночество философа // Вестник российского университета Дружбы народов. 2003. № 4-5. С. 47-58.
 17. Романова Н. П., Дробышевский В. С. Одиночества: введение в проблему: монография. М.: МПУ, 2003. 323 с.
 18. Социология: концепции, отраслевые теории и методика прикладного исследования: учебное пособие // В. Г. Зарубин (ред). СПб: Легион-М, 2013. Вып. 3. 511 с.
 19. Сторожилова Д. Н. Социальный диалог: анализ конструктивного коммуникативного взаимодействия: автореф. дис. канд. филос. н.: 09.00.11. Ростов н/Д. 180 с.
 20. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: монография. М.: Республика, 1994. 447 с.
 21. Цветухина Е. А. Принцип индивидуации в истории философской мысли // Вестник Томского университета. 2013. № 368. С. 60-63.
 22. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gombueva M. Impact of Social Miths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Т. 9. № 42. С. 104239.
 23. Zhukov A., Zhukova A. Methodological Features of Study and Development of «Ethnic Cultures» Images in China // IEJME: Mathematics Education. 2016. Т. 11. № 5. С. 1321-1330.

The image of loneliness in social space: philosophical substantiation

Vasilii I. Mladenov

Applicant,
Head of the military department of the Trans-Baikal State University,
Transbaikal State University,
672039, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, Russian Federation;
e-mail: Mladenov.v@mail.ru

Abstract

The article is devoted to an attempt to substantiate the study of the social phenomenon of loneliness in the context of a phenomenological analysis, which proves that there is no phenomenon in the social space that would fully correspond to the vocabulary meaning of the term “loneliness”. However, in social reality, the problem of having a feeling of loneliness affects the lives of a significant number of people who, having reached a certain level of self-awareness in their development, recognize themselves as a person, and experience feelings of loneliness, being within the framework of social interaction. The author argues that it is not ontological foundations that come to the forefront, but the image of loneliness, pointing to the phenomenon of empirical loneliness, which is one of the forms of social interaction, accompanied by the emergence of an individual's subjective feeling of isolation from the outside world. Images of loneliness reflect the process of experiencing feelings of loneliness, accompanied by a sense of abandonment, isolation, isolation. From the point of view of the author, images of loneliness are spreading in the outside world, which at the same time reflect those value systems and patterns of human behavior that dominate society.

For citation

Mladenov V.I. (2019) Obraz odinochestva v sotsial'nom prostranstve: filosofskoe obosnovanie. [The image of loneliness in social space: philosophical substantiation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (5A), pp. 136-144. DOI: 10.34670/AR.2019.44.5.028

Keywords

Images of loneliness, category of loneliness, phenomena of loneliness, criteria for loneliness, concepts of loneliness, external social images, subjective images.

References

1. (1983) Aristotle. Politics / Works: monograph. M.: Thought. Vol. 4.P. 376-379.
2. Buber M. (1995) The problem of man Two images of faith. M.: Republic, pp. 157-232.
3. Bushueva E. S. (2012) Socio-cultural environment of Transbaikalia: specifics of formation: a training manual E. S. Bushueva, A. V. Zhukov. Chita: ZabSU, 170 p.
4. Weiss R. S. Questions of the study of loneliness [Electronic resource]. Access mode: http://www.redov.ru/psihologija/kak_znakomitsja_s_devushkami/p1.php(date of treatment: 09.09.2019).
5. Zhukov A. V. (2010) The formation of a religious-mythological worldview and myths of religiosity Bulletin of Chita State University. No. 3 (60). pp. 27-33.
6. Zhukov A. V. (2010) Religiosity, subjectivity and the construction of concepts of a religious person Bulletin of Chita State University. No. 2 (59). pp. 129-136.
7. Zhukov A. V. (2011) Traditional folk religiosity and the problem of "dual faith" Bulletin of Chita State University. No 2 (69). pp. 10-15.
8. Zhukov A. V. (2011) Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract of diss. Doct. Philos. H: 09.00.14. Chita, 45 p.
9. Zhukov A. V. (2014) Factors of reception of mythological images of China in the mentality of the population of Transbaikalia Bulletin of the Transbaikalian State University. No. 1 (104). pp. 120-128.
10. Kozhevnikov S. B. (2006) The life world of man as a mode of culture: author. diss. Doct. Philos. n.: 09.00.13. Rostov n / a, 49 p.
11. Levinas E. (2000) From Existence to Existing Favorites: Totality and Infinity. M., St. Petersburg: Univers. Prince, 416 p.
12. Lyashchenko MN (2017) To the problem of definition and typology of loneliness Values and meanings. No. 2 (48). pp. 60-74.
13. Marx K. (1974) Economic and philosophical manuscripts of 1844 / K. Marx, F. Engels. Works: monograph. M.: Politizdat, V. 42. pp. 41-174.
14. Mikhailova A. I. (2013) Understanding the phenomenon of loneliness as a social phenomenon Scientific notes of the Trans-Baikalian State University. pp. 90-95.
15. Prokhorova MV. (2010) Conceptual features of the study of the phenomenon of loneliness Bulletin of the Vyatka State University. pp. 69-74.
16. Puzanova Zh. V. (2003) Philosophy of loneliness and loneliness of the philosopher Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. No. 4-5. pp. 47-58.
17. Romanova N. P., Drobyshevsky V. S. (2003) Loneliness: an introduction to the problem: monograph. M.: MPU, 332 p.
18. (2013) Sociology: concepts, industry theories and methods of applied research: a training manual V. G. Zarubin (ed.). St. Petersburg: Legion-M, Issue. 511 s
19. Storozhilova D. N. Social dialogue: analysis of constructive communicative interaction: author. dis. Cand. Philos. n.: 09.00.11. Rostov n / a. 180 s
20. Fromm E. (1994) Anatomy of human destructiveness: a monograph. M.: Republic, 447 p.
21. Tsvetukhina E. A. (2013) The principle of individuation in the history of philosophical thought Bulletin of Tomsk University. No. 368. S. 60-63.
22. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. (2016) Impact of Social Myths on the Construction of German Identity in Russian Polyethnic Region Indian Journal of Science and Technology. V. 9. No. 42. p..
23. Zhukov A., Zhukova A. (2016) Methodological Features of Study and Development of "Ethnic Cultures" Images in China IEJME: Mathematics Education. Vol. 11. No. 5. P. 1321-1330.